

Продолжаем публикацию глав романа Максима Жарова "Испанское море" в авторском варианте.

В конце января 2008 года эта книга вышла в издательстве "Эксмо/Яуза" под названием ["Флибустьеры против пиратов Карибского моря"](#). По коммерческим соображениям издательство предложило вместо моего имени, Максим Жаров, взять красивый псевдоним. Так на свет появился Леонар Дюпри.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Из рассказов капитана Пикара

Простым людям, которые заняты лишь тем, чтобы прокормить себя и свою семью, нет дела не до чего другого. Они предпочитают думать не о том, что правительство их обворовывает и нагло обманывает, не о том, что заставляет платить все больше и больше налогов, утверждая, что это в их же интересах, а о том, как бы отдохнуть после тяжких трудов. Но тут их подстерегают другие напасти. Как по-вашему выглядит пират в представлении обыкновенного обывателя? Если ваше воображение рисует вам одноглазого, без ноги, на костыле, с красной косынкой на голове, с пистолетом за поясом, со шпагой на боку и с попугаем на плече, то добро пожаловать в балаган. Именно такой шутовской образ они и используют, добавляя по последней моде еще черный флаг с черепом и костями, чтобы детям было пострашнее. Тьфу, какая мерзость.

Тут хочу заметить, что сей знак совершенно не подходит для флибустьеров, которые никогда им не пользовались, поскольку никогда пиратами не были, так как всегда действовали от имени французского правительства, выдававшего комиссии, поэтому с чистой душой ходили под государственным флагом. А когда на вольный морской промысел вышел запрет, то мы по доброй воле прекратили свои набеги. А этот поганый черный флаг, о котором я все больше и больше слышу от разных молодых капитанов, это изобретение каналов-англичан. Это их безрассудные команды первыми выбросили его, объявив войну всему человечеству, пойдя против всех законов всех стран, и сделав себя изгоями и разбойниками, которыми мы, настоящие флибустьеры, ходившие под флагами короля Франции, никогда не были. Что-то я разнервничался, так что плесните мне, мой

добрый друг, чтобы мой язык обрел привычную проворность, а горло не слиплось, как во время засухи в Сахаре.

Итак, в прошлый раз я, наверное, рассказал вам массу всякой малоинтересной ерунды про сельское хозяйство. Не обижайтесь, но это было необходимо, чтобы лучше понять, что без этого в Новом Свете просто не выжить. Нужно было знать азы всего, чтобы даже попав на необитаемый остров не умереть с голоду, когда вокруг тебя столько много разнообразных продуктов.

Как я уже говорил, моим первым учителем в этом был Мартен, царство ему небесное. Ведь вскорости он внезапно умер от какой-то неизвестной болезни. Ему всего-то и было чуть более сорока. Самый здоровый возраст, еще жить да жить, но Бог распорядился иначе. Вместе со смертью Мартена кончилась и наша довольно вольготная жизнь. Хозяин перевел нас на другие, более тяжелые работы поближе к своему дому. Теперь мы каждый день вместе с неграми рубили сахарный тростник. От рассвета до заката. Для нас было легче рубить лес, чем этот проклятый тростник. Хозяин кормил нас отвратительно и все время одним и тем же - бобовой похлебкой. Он говорил, что это самая здоровая пища, и что она придает силы любому, а если нам чего-то не хватает, так у нас под рукой его тростник, сок которого питателен и восстанавливает силы, стоит только взять стебель в руки и скрутить его как следует, и подставить рот под вытекающую сладкую жидкость. Еще он шутил, что теперь у нас началась "настоящая сахарная жизнь".

За этим ли я приплыл в Вест-Индию, о которой бредил в детстве, как и все мальчишки, мечтая бросить там якорь навсегда. Бывало к нам в Дьеп заходили корабли из Нового Света и я с жадностью слушал рассказы старых моряков. Ну прямо также как вы сейчас слушаете меня. Примерно за 5 лет до моего рождения Мартиника и Гваделупа стали французскими. Поэтому, хотя я и жил пока вместе со своей многочисленной семьей, но сердцем был уже в далекой стране о которой мечтал. Мне представлялось, что золото там течет рекой, и что стоит только попасть туда, как можно будет сказочно обогатиться. Я твердо для себя решил, что отправляюсь в Новый Свет, не только для того, чтобы разбогатеть, но и чтобы обрести свободу.

Жизнь мою нельзя было назвать сахарной. Я был пятым сыном каменщика, у которого еще к тому же было три дочери. Несмотря на то, что наш отец много работал, семья жила впроголодь. Да к тому же проклятые чиновники тянули из нас последние жилы, а отец тянул их из нас. Он часто приходил домой пьяный и колотил всех подряд. Сами понимаете, что такую жизнь тоже мало кому придет в голову назвать "сахарной".

Поскольку я был младшим, то не мог рассчитывать ни на какое наследство. Я знал, что был обузой, а это довольно плохое чувство. Сначала отец хотел отдать меня в монахи, но поскольку я не выказал никакого смирения и был с позором выгнан из послушников братьями доминиканцами, то он вознамерился отдать меня в армию.

С тех пор я знал, что стать солдатом или матросом было для меня единственной карьерой. Подумав, что раз все равно суждено тащить военную лямку, я решил сбежать из дома и податься в Новый Свет. Сами знаете, как в юности бродит молодая кровь, кипят честолюбивые мечты и чешутся кулаки. Вам наверное не раз попадались молодые люди стучащие от нечего делать кулаком по стене или дверному косяку в ожидании чего-то. Так и я в молодости. Наслушавшись рассказов про заморскую вольготную жизнь, я нанялся на корабль. Только потом я узнал, что вербовщики специально ищут таких простачков вроде меня, чтобы затем выгодно продать их в Новом Свете. Я подписал контракт о том, что капитан перевозит меня бесплатно через океан, а там сдает в наем на три года плантаторам, чтобы возместить свои убытки.

Итак, вместе с двумя парнями из Нормандии я оказался на борту "Медузы", шедшей из Дьепа на Сен-Доменг с разным товаром. В те времена не было ограничений на перевоз пассажиров за океан, поскольку еще не был отменен Нантский эдикт, и гугеноты не стремились в массовом порядке покинуть страну. Мы обогнули Бретань, прошли вдоль побережья Аквитании, а затем ушли в открытый океан. Не хочу описывать свои ощущения пересечения Атлантики, скажу только, что эти сорок два дня были утомительными. К тому же я в течение их выдержал много всяческих издевательств по поводу различных морских праздников и нелепых обычаев, которые специально придуманы старыми моряками, чтобы повеселиться над новичками в долгом переходе. Слава Богу шторма нас миловали, только около Малых Антил налетела короткая буря, частый гость в этих краях. Первая земля, которую я увидел в Новом Свете был остров Барбуда. Поскольку корабли, идя из Европы, предпочитают пользоваться попутными ветрами и течениями, то это был обычный для них маршрут. Затем наш корабль прошел мимо Пуэрто-Рико, а потом по северному побережью Сан-Доминго, которое показалось мне совершенно пустынным, проследовал до Свободной гавани.

Помню, как войдя в эту вместительную и восхитительную по красоте бухту наш корабль, наконец-то, бросил якорь. Все высыпали на палубу и с интересом вглядываясь в берег. Я старался всей грудью вдохнуть аромат этой неведомой и экзотической земли, где мне теперь предстояло жить. На берегу на расстоянии чуть более пушечного выстрела в лесу с трудом угадывались крыши поселка, покрытые пальмовыми листьями. У берега несколько наспех сбитых причалов, где болтались на привязи лодки. Нужно сказать, что в те времена все французские поселения на Сен-Доменга выглядели одинаково. Люди не селились у моря, поскольку знали, что настоящие хозяева этих мест испанцы считают

их поселки незаконными. Поэтому и строили дома вдалеке от моря, спрятанными в чаще, чтобы никакой испанский галеон не смог обстрелять их с рейда. Да и сами дома были лишь ветхими времянками, чтобы всегда можно было бросить их без сожаления, и уйти в лес, отсидеться. Да и местный климат, как бы сам предлагал строить дома без стен, с одними лишь крышами от дождя. А когда испанцы, после разрушения поселка, убирались восвояси, его обитатели неизменно возвращались назад из леса, и жизнь начиналась снова. Нужно сказать, что это вообще жизненный принцип всех жителей Нового Света, будь то французы, голландцы, англичане или испанцы. Тактика поселенцев всегда была одинаковой.

Одним словом, когда я попал на Сен-Доменг моей радости не было конца. Ведь я все же исхитрился обмануть злую судьбу, и сам выбрать себе жизненный путь. Тот который был мне более всего по душе. Как мне тогда казалось дело теперь оставалось за малым, обеспечить себе безбедную жизнь в этом диком, но богатом крае.

Не хочу никого обманывать, но уже в юности я был прагматиком. Когда родился и вырос в бедности, невольно знаешь, чего хочешь. Возможно тяжелее тем, у кого достаток вошел в привычку, но это не обо мне. Я знал, что все отправляются в колонии лишь с одной мыслью - разбогатеть, и черт с ними, с этими колониями. Пусть мы вырубим там весь лес, пусть выкопаем все недра, пусть перебьем всех животных, пусть сделаем этот карай пустыней из пустынь - все равно мы не собираемся там оставаться. Нам главное уехать оттуда богатыми в Европу, где жизнь уже устоялась, и где уже можно пожить в свое удовольствие. Наворовать, награть и уехать, это ли не мечта любого настоящего пирата или разбойника, как вы нас называете? Зачем нам оставаться в этой дикой стране, где нет никаких законов, где даже самый богатый может угодить за решетку, если вовремя не даст взятку губернатору или не понравится лично президенту. Когда я об этом сейчас вспоминаю, то понимаю, что вся пресловутая свобода берегового братства, которую некоторые отчаянные головы сейчас называют "вольной плавучей республикой", была просто свободой сильных.

Вскоре к борту нашей "Медузы" прибилась шлюпка с каким-то угрюмым человеком в красном камзоле. Им оказался местный комендант бухты. Этот начальник, разодетый в обноски некогда дорогой одежды горделиво проследовал в каюту капитана, и вскоре вышел оттуда, источая лучезарную улыбку, чему, скорее всего, способствовало то, что позвякивало у него в карманах. Он дал добро на разгрузку судна и торговлю. Вследствие чего наш корабль спустил все шлюпки и стал свозить товары на берег. Мы с ребятами помогали вынимать из трюма тюки с полотном, бочки с порохом, ящики с инструментом, оружием и прочее, чем был богат Старый Свет. Когда с этим было покончено, пришла и наша очередь сходить на берег.

Тогда я спрыгнул в лодку, и она понесла меня по лазурной лагуне к берегу моей мечты. И раз, и два... С каждым гребком я приближался все ближе и ближе к земле, которая должна была надолго стать моей новой родиной. Сердце колотилось все быстрее и быстрее. И раз, и два... И вот уже борт бьется о причал, где еще лежат свезенные с корабля товары. Трудно передать те ощущения, которые я испытывал, но это, несомненно, была настоящая радость. Как будто бы все плохое осталось позади, и ты начинаешь жить с чистого листа. Я находился в какой-то неведомой ранее эйфории, даже тогда, когда капитан продал меня батраком по контракту на три года плантатору. Я уже говорил, что это была своеобразная плата за переход через океан. Но по молодости мне было интересно наблюдать даже за этим, словно я был на невольничьем рынке в Алжире или Кандии. Я понял, что купить или продать слугу на Сен-Доменге - это такое же обычно дело. Словом людьми в Новом Свете торгуют также открыто и небрежно, как лошадьми в Старом. Бывают капитаны, которые неплохо наживаются на том, что сманивают множество легковверных молодых французских крестьян небывалыми посулами, а потом продают их в кабалу похлещи прежней, да так, что бедняги вынуждены работать как ломовые лошади. Именно в таком положении я и очутился.

Вместе с двумя ребятами из Нормандии я попал к плантатору, который слыл самым жестоким изувером на всем Сен-Доменге. Хотя испанцы и предпочитают называть этот остров Эспаньолой, что означает по-ихнему Маленькая Испания, нам французам жить в их, пусть даже маленькой, но Испании, совсем не резон. Поэтому мы окрестили свою колонию Сен-Доменг. Словом я попал к Гийому Пету, который считал, что с белыми работниками нужно обращаться намного хуже чем с неграми, поскольку чернокожие будут работать на него всю жизнь, а мы всего лишь несколько лет. В связи с этим он не испытывал к своим соотечественникам никакой жалости, стараясь только выжить из них как можно больше пользы. Болели мы или нет, но должны были работать одинаково много.

Перу привел нас к себе на плантацию, и вместо обеда познакомил с человеком по имени Мартен, сказав, что теперь он будет для нас главным, и чтобы мы слушались его во всем. Тот был загорелым чернобородым верзилой, родившимся на острове, поэтому все досконально знавшим. Без него мы, скорее всего бы просто умерли с голоду, поскольку наш новый хозяин кормить нас не собирался вообще.

- Тут настолько много еды, что сдохнуть от голода сможет только ленивый или такие приезжие неженки, вроде вас, - грубо сказал Мартен, когда мы только заикнулись об обеде.

- Вас тут никто кормить не будет, так что привыкайте сами находить пищу. Я для этого к вам и приставлен, чтобы вы не откинули копыта среди обилия еды. Я всему вас тут научу.

Мы получили топоры, кирки, лопаты и еще разного инструмента и сразу же отправились с мэтром Мартеном на окраину поселка. Единственно, что нам удалось сделать, так это по пути попить холодной воды из ручья. Придя на опушку леса Мартен сказал, что вот здесь теперь мы будем жить и работать. Оглядевшись вокруг, мы не увидели ничего кроме кустарника. Тогда Мартен объяснил, что нам предстоит очистить эту территорию под плантацию, но сначала нужно обосноваться здесь, постоев дом. Под руководством мэтра мы стали рубить деревья в лесу, а он тем временем принес нам обед - несколько связок бананов. Мы впервые съели эти плоды и остались весьма довольны их вкусом. Это была вся наша еда в тот день.

В течение следующих недель мы вырубали и кустарник, и деревья, а затем все это сжигали, кроме больших стволов, с которых только обрубали сучья. Все в хозяйстве могло пригодиться, к тому же это можно было продать. Мартен научил нас ловить на берегу огромных черепах, чье мясо было очень вкусно и питательно, готовить крабов с фасолью и бататом.

Мы работали не покладая рук, пока не расчистили намеченный участок. Затем он был засеян специальным сортом фасоли, которая созревает через полгода, так что вскоре мы могли есть ее сполна. Мартен научил нас варить из нее суп с добавлением яиц черепах, сока лимона, красного перца и свиного сала. Он показал как готовить из батата особый кисловатый напиток маби, хорошо помогающий от жажды. Показал как печь на железном листе касаву. Это такой хлеб из мариоки, по вкусу напоминающий кекс. А из отрубей мариоки готовить напиток вайкау, который после того, как перебродит, становится похож на пиво. Мартен был настоящим аборигеном, знающим все и вся. То чему он нас научил, нельзя оценить никакими деньгами. Он просто подарил нам жизнь. Новую сытую жизнь в Вест-Индии, не только сытую, но и пьяную, поскольку показал, как из бананов, которых там видимо-невидимо, делать алкогольный напиток, ударяющий в голову не хуже вина. Научил, что лучше всего его закусывать мясом с фигами. Словом,

Автор: Максим Жаров
16.11.2007 15:15

мы стали не только настоящими поварами, но и ботаниками, знающими, что можно есть, а что нельзя.

Кое-как обосновавшись и набравшись первоначального опыта, а также сделав некоторые запасы после сбора урожая, мы в январе на той же делянке начали разводить табак. Это и было основной нашей целью. Сначала мы все перекапали, потом посеяли, покрыли землю пальмовыми листьями, чтобы она не пересохла, и поливали каждый вечер, когда не было дождя, а также пропалывали. Когда побеги выросли, мы пересадили их на специально приготовленные грядки. Потом подрезали стебли, чтобы весь сок уходил в листья, а параллельно строили помещения для просушки табака. Через некоторое время мы оборвали листья и отнесли их в просушку, после того как они просохли, Мартен вызвал специальных опытных работников-негров, которые скручивали листья в сигары. Таким образом мы убирали с делянки табак четыре раза в год. Наш хозяин продавал его на корабли, прибывавшие в лагуну из Франции, Голландии и Англии. А там уж из листьев изготавливали жевательный, курительный или нюхательный табак, а также использовали как сырье для изготовления красок. Словом делали то, что хотели, но это была уже не наша забота.

Я все это вам рассказываю не для того, чтобы вы применили мой опыт на практике, а для того, чтобы вы хоть немного прониклись духом, погодой и ветрами той далекой страны, где я прожил свои лучшие годы.

Выращивать табак на Сен-Доменг - дело весьма прибыльное, поэтому у нашего хозяина Гийома Пету дела всегда шли хорошо, что однако не меняло его жадный характер. Сквалыга, он и умрет сквалыгой. Однажды он увидел, что рядом у соседа, кроме табака, есть плантации сахарного тростника, индиго и гимбеса. Ему показалось, что он много теряет оттого, что обошел стороной эти культуры. Поэтому приказал нам найти место и расчистить его под плантацию сахарного тростника. Он решил стать сахарозаводчиком и варить сахар, чтобы обеспечить им всю Францию. Мы снова перебрались на новое место, и снова вырубали и выжигали лес. Нельзя сказать, что работа была легкой, но и каторжной ее также нельзя назвать. Наш мэтр Мартен, пока был жив, не перегружал нас непосильным трудом, чтобы мы могли на завтра снова встать на работу, а не лежать в беспомощности, надорвавши живот вчера. "Хороший работник не тот, что может за один день вспахать поле, а тот, кто может за месяц вспахать тридцать полей", - любил говорить он. Поэтому он берег наши юные силы даже тогда, когда мы уже пообвыкли и окрепли в здешнем климате, который, нужно заметить, не всегда бывает райским, как мне показалось в первые дни.

Зима здесь самое благоприятное время года, хотя иногда в ноябре-декабре идет дождь, зато в остальное время сохраняется сухая и теплая погода. Самый жаркий месяц - август, но морские ветра, дующие с северо-востока, смягчают жару и в это время. С декабря по апрель погода стоит изумительная, а вот потом с мая по сентябрь начинается сезон дождей. Несмотря на их кратковременность, льются они слишком часто, поэтому ничего из одежды не успевает высохнуть. Приходится все время ходить в мокром, и конечно же, работать. Бывало, наденешь плетеную из соломы шляпу или еще лучше широкополую кожаную, накинешь рогожку и под дождь, рубить деревья. Хотя бывали и такие дожди, что работать было совсем нельзя, воды по колено. Впрочем, я уже кажется об этом рассказывал.

Гийом Перу был не только жадным, но и рачительным хозяином. У него все шло в дело и ничего не пропадало. Поэтому рядом с его сахароварнями естественно была и винокурня. Из побочного продукта при изготовлении сахара "мелассы", которая бродила естественным способом, а потом подвергалась дистилляции, изготовлялся крепкий алкогольный напиток тафия. Он долго выдерживался в деревянных бочках, после чего приобретал темный цвет. Изготовление этого напитка не требовало больших затрат, поэтому было не менее выгодно, чем производство самого сахара. У каждого плантатора была своя тафия, и свои секреты ее изготовления. Каждый корабль, уходящий в плавание через Атлантику, загружался бочками с тафией, которую моряки пили, разбавляя водой. Тафия превосходно сохранялась в пути и не прокисала, как пиво. Тафию пили все и всегда, даже в лечебных целях. Например, при простудах, или от цинги, смешивая ее с фруктовым соком.

Производство этого напитка было повсеместно, где были плантации сахарного тростника. Рецепт его изготовления был один, но тонкостей много, поэтому и вкус тафии из Сен-Доменго отличался от вкуса того, что производили испанцы на Кубе или голландцы на Кюросао. Англичане, чьи плантации сахарного тростника на Барбадосе были очень большими, называли этот напиток сначала ромбульоном, а потом сократили до слова ром. Эти англичане вообще любят все сокращать. Их язык настолько картавый, что им самим противно говорить на нем. Вот они все и сокращают. Например, красивое имя Самуэль до Сэма, гордое имя Роберт до Боба.

Но мы отвлеклись. Я рассказывал про тафию. На первый взгляд этот напиток немного

напоминает коньяк, но на вкус менее благороден, хотя примерно такой же крепости. Этим и стали пользоваться изготовители тафии, разбавляя ее водой и продавая на суда идущие в Европу. Об этом обмане первыми догадались сметливые голландцы. Какой резон везти через океан разбавленный водой продукт, когда его можно разбавить уже на месте, в Европе. Голландцы всегда были самыми ушлыми торговцами, вот они и придумали пару интересных способов проверять крепость тафии. К ней подносили горящую щепку, и если напиток не был разбавлен, то загорался, а если разбавлен - то нет. Но тафия была такой крепкой, что если ее разбавить не очень сильно, то она все равно горела. Тогда хитрые голландцы придумали кидать в нее несколько крупинок пороха. Если в тафии была вода, то порох намокал и не загорался.

Конечно работая на плантации мы не получали никакой тафии. После смерти Мартена нас кормили настолько отвратительно, что мы ходили воровать еду и сытых негров. Бывало, нападём втроем неожиданно, отвесим несколько оплеух и зуботычин этим черномазым, похватываем их плоско, и бежать. Затем, спрятавшись, едим, и сожалеем, что не родились черными. Вот до чего доходило. Однако мы не отчаивались. Конечно, нас кормили плохо, и обращались хуже некуда, но все же у нас было будущее, которое в отличие от негров, сулило нам немало.

Мой друг по несчастью Оливье, также как и я бежал из Франции в Вест-Индию от плохой жизни, вернее от своего опекуна дядюшки, который старался сжить его со свету, чтобы прикарманить наследство его отца. Бывают же такие сволочи. Хотя, когда Оливье попал к Гийому Пету, то понял, что променял шило на мыло. Раньше наш хозяин жил на острове Сен-Кристофер. Там он забил насмерть, наверное, сотню рабов и слуг, поэтому всерьез стал опасаться за свою жизнь, и продав хозяйство, переселился на Сен-Доменг. Однако и здесь он нисколько не изменился, и как прежде спускал со своих работников три шкуры, почти не кормил и издевался, как мог. Бедный Оливье однажды не выдержал и бежал в глубь острова. Но поскольку никак не подготовил свой побег, у него не было даже ножа, то просто умер там от голода, а возможно и от чего другого. Без оружия в лесу делать нечего. Там дикие кабаны, да и одичавшие собаки могут разорвать не хуже волков, которых, слава Богу в этих краях не водится. Я сам не видел его трупа, но об этом рассказал нашему хозяину один буканьер. Думаю, что все так и было.

Следующим, кто не выдержал работы под палящим солнцем почти без воды и еды, был другой мой друг Мартин. Он предлагал бежать вместе с ним к буканьерам, но я отказался. Кстати, правильно сделал, поскольку несмотря на то, что он и благополучно добрался до этих охотников, те все равно вернули его хозяину. Озверевший Гийом Пету привязал его к дереву и лупил кнутом до тех пор, пока вся спина Мартина не представляла собой сплошное кровавое месиво. Тогда этот мерзавец посыпал его спину

перцем и полил лимонным соком, а затем оставил на ночь, привязанным к столбу. На утро Гийом продолжил экзекуцию, лупил его так, что вскоре Мартин умер, проклиная мучителя. Я поклялся отомстить негодяю, что и сделал спустя несколько дней. Парень я был здоровый, подкараулил с дубиной этого мерзавца, да и отходил его от души. Наверное, перестарался, поскольку негодяй отдал Богу душу, но скорее всего дьяволу. До сих пор я не жалею, что прикончил этого мерзавца, хотя до сих пор это убийство и висит на моей совести. Но нужно учесть, что я жил тогда в такой стране, где в течение полутора ста лет разбои и убийства были правом сильнейшего, и были обыкновенным делом.

Все эти ужасные истории, которые оставили в моей памяти и сердце неизгладимый след, я много раз впоследствии рассказывал в тавернах Тортуги и Порт-Ройяла. Возможно, это было настолько часто, что кто-то без моего ведома записал их, а потом опубликовал в Европе. Не удивляйтесь, что кое-что из моих рассказов может показаться вам знакомым. Но учтите, что я рассказываю только то, что видел или слышал сам. Отсюда мой рассказ гораздо точнее и правдивее всех этих историй про буканьеров и флибустьеров, где авторы путаются и перескакивают с одного на другое. К тому же я обещаю, что постараюсь поведать вам такое, о чем никто до вас не знал, и что все эти борзописцы не успели записать. И в этом основная моя задача, как непосредственного участника тех далеких славных дел. Но вы не забывайте подливать старому капитану Пьеру вина, поскольку оно помогает не только сухому горлу и языку, но и быстроте воспоминаний, образы которых сами собой встают перед моими глазами, после очередного стаканчика.

Итак, после того, как я покончил со своим хозяином, казалось бы, нужно было податься в лес к буканьерам, и так решил бы любой из вас, но не я. Чтобы меня не заподозрили в убийстве, я преспокойно вернулся в свою хижину, и с чувством выполненного долга улегся спать. Я прекрасно помню недавнюю историю про то, как трое ребят с соседней плантации убили своего хозяина за то, что тот совсем не кормил их, зато заставлял работать и день и ночь. Этих бедняг повесили, когда поймали в лесу. Несмотря на то, что Вест-Индия - это, конечно же дикая страна, закон и тут закон. Люди собираются вместе, чтобы поймать беглого раба или наказать убийцу. Если они это не станут делать, что порядка совсем не будет.

После смерти Пету его хозяйство на некоторое время пришло в совершенный упадок, пока с Сент-Кристофа не приехал его брат, который к несчастью собрался все продать, а на вырученные деньги отправиться в Европу. Он был подстать своему братцу, такой же жирный подбородок, те же ужимки, и та же жадность. Он долго не мог найти покупателя за ту сумму, которая ему была нужна, поэтому стал потихоньку распродавать все по мелочи. Он и меня решил продать, какому-то плантатору-голландцу. А это для

меня была настоящая катастрофа. Если бы меня заново продали, то опять бы на три года. Никто бы не стал смотреть на то, что два с половиной я уже отработал. Поэтому для меня настал критический момент, когда нужно было решаться на побег, и я решился.

Однако вечером, перед той ночью, когда это должно было произойти, в мою хижину пришел брат покойного хозяина с каким-то буканьером, который сказал, что купил меня, поскольку ему был нужен слуга. Сволочь-хозяин продал меня ему на три года, и я понял что снова остался в кабале. Но нет худа без добра. Несмотря на то, что я был наслышан о дикости и беспощадности буканьеров к своим слугам, я все же лелеял надежду, что быть слугой у охотника - это хоть небольшое, но продвижение в карьере, по сравнению с работником на плантации, где могли лишь забить палками на смерть.

Итак, мой новый хозяин называл себя Жан-Клод. Он был довольно высокого роста, лет под пятьдесят, угрюм и молчалив, предпочитая лучше лишний раз выпить тафии, чем открыть рот для болтовни. Из леса он вышел недавно, и сразу решил купить себе нового слугу, так как опасался, что потом у него не хватит денег. Еще бы, разгульный образ жизни буканьеров был известен всему Сен-Доменгу. Это было вполне в их правилах прогуливать и проигрывать все свои накопления. Однако их можно и понять. Ведь буканьеры по несколько месяцев охотились, выделывали шкуры, коптили букан, потом на мулах доставляли все свое добро на берег, продавали, а затем за пару недель в бесконечных разгулах спускали все, что выручили. "Буканьер знает, а Бог располагает", - была их любимая оправдательная пословица. Поэтому Жан-Клод, опасаясь, что спустя некоторое время у него вообще уже не будет денег, купил меня сразу после того, как получил свою долю. А это, нужно вам заметить, есть самое лучшее время для слуги буканьера, когда его хозяин ощущая тяжесть монет в своем кошельке, становится пьян и вместе с тем весел и щедр, словно Великий Могол. Так как я теперь ел, я не ел еще никогда по прибытии в Вест-Индию, поскольку Жан-Клод кормил меня в лучшей таверне поселка. Тогда моим главным делом было доволочь нового хозяина до тюфяка, да посмотреть, чтобы был в сохранности его кошелек.

Нужно сказать, что своей щедростью Жан-Клод сразу же подкупил меня. Познав настоящий голод, и необыкновенную скупость бывшего хозяина-плантатора, который готов был экономить на своих слугах каждый су, я неожиданно оказался вместе с человеком, который добывший деньги суровым трудом не делал из них культа, не молился на них, словно хриstopродавец, а весело прогуливал, пробуя самое лучшее вино и самые лучшие кушанья. Таков был образ вольной жизни буканьеров, которые не были подданными ни одного монарха или правительства, и не платили никому никаких налогов. Может быть именно поэтому некоторые из них успевали и покутить и сколотить приличное состояние. Позже, я знал одного буканьера, который вместе со своим напарником вел довольно умеренный образ жизни, и увез с Сен-Доменга во Францию

пять тысяч ливров. Но как говорили знатоки, это еще не предел того, что можно заработать, будучи буканьером. Словом, я был очень рад, что передо мной открывалась гораздо более выгодная перспектива, по которой я собирался подняться, как можно более высоко.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из рассказов графа Пенальбы

Западные Индии показались мне сначала всеми своими самыми радостными яркими красками. Необычайного цвета море, бездонное небо, палящее солнце, яркие дикие краски все это настраивало на самые радужные мечты, когда "Feliz Navidad" бросил якорь в гавани Сан-Хуан-Пуэрто-Рико, поскольку наш капитан наотрез отказался заходить в порт Санто-Доминго.

- Поймите меня правильно, сеньор, это большой крюк. Если я это сделаю, что отстану от флотилии, которую потом нужно будет нагонять в одиночку.

- Ничего страшного, я готов заплатить за неудобства.

- Молодой сеньор шутит. В здешних водах довольно много протестантских корсаров, которые только и ждут, чтобы какой-нибудь торговый корабль отстал он всех, чтобы напасть и разорвать его на куски, как акулы. Нет, не уговаривайте. Я не могу рисковать всем грузом ни за какие деньги. Максимум, что я могу для вас сделать, это высадить в Сан-Хуане-Пуэрто-Рико, когда флот будет пополнять там запасы воды. Там вы без труда найдете какую-нибудь небольшую посудину, которая и доставит вас в Санто-Доминго.

Так мы оказались на Пуэрто-Рико. Было приятно после долгого плавания вновь ощутить твердую почву под ногами. Флот, пополнив запасы воды, двинулся дальше, а мы подыскав каботажное судно, которое возвращалось на Эспаньолу, отправились на нем нам нем в Санто-Доминго. По пути капитан, много жаловался на нападения французских, английских и голландских корсаров, которые мешают развитию местной торговле между испанскими островами Западных Индий.

- Эти каналы словно черти, появляются неизвестно откуда, а потом прячутся в своих глухих бухтах. Слава Богу, на Эспаньоле теперь новый военный губернатор, который тешит их и в хвост и в гриву. Поговаривают, что после того, как он прогонит всех несанкционированных протестантских поселенцев с острова, в Санто-Доминго будет заходить флот из Испании. А то мне всякий раз приходится подкарауливать его в Сан-Хуан-Пуэрто-Рико, чтобы купить немного нужных европейских товаров. И поверьте мне, не один я жду этого дня.

Еще во время перехода через океан всем командам кораблей было известно, что к губернатору графу де Пенальбе плывет его сын. Ну, а когда мы подошли к берегам Пуэрто-Рико, то наверняка был даже отряжен специальный корабль, чтобы предупредить моего отца. Иначе, чем объяснить то, что он заранее знал о моем прибытии, и уже встречал меня на пристани.

Вот она долгожданная минута. Подплывая на первой шлюпке к причалу я сразу увидел отца. Это был среднего роста крепкий мужчина лет сорока пяти, махающий мне черной широкополой шляпой с белым плюмажем. Он почти совсем не изменился с нашей последней встречи, все такая же прямая гордая осанка, черные волосы и брови, из под которых смотрели искрометные светлые глаза.

- Как ты повзрослел! - воскликнул отец, заключая меня в объятия. - Боже мой, мы не виделись три года, а ты так вырос и так возмужал. Я рад, я очень рад, что ты оставил Европу и приплыл ко мне. Я постараюсь сделать все, чтобы ты не пожалел об этом. Жаль только, что твоя матушка...

- Я тоже очень рад видеть тебя, отец, - сказал я оглядываясь по сторонам. По правде мне, как любому 18-летнему дылде, было не очень приятно, что меня у всех на виду тискают взрослые мужчины, пусть даже и мой отец. Я старался не показывать не показывать этого, поскольку в глубине души уже считал себя тертым калачом, бывалым солдатом, успевшим поучаствовать в одной кампании, и наконец, умелым бретером. И вдруг у этого настоящего головореза оказывается есть отец, который лезет при всех со своими нежностями... Какой позор для моей репутации... Однако юные мозги чаще всего обделены здравым смыслом, и им никогда не суждено осознать того, что это вполне естественно, когда тебя любит отец, когда обнимает и хочет с тобой общаться. И нечего при этом стыдиться его, какой бы он ни был, это вполне нормально, и только недоумки могут упрекнуть тебя в том, что у тебя тоже есть ответная кровная привязанность.

- Мне так повезло, - говорил мой отец. - Мой сын со мной. Об этом могут только мечтать все испанские губернаторы, в то время, как я это уже испытываю. Не представляешь, Педро, как я горд и счастлив, что у меня такой взрослый сын.

- Отец, называй меня пожалуйста Пьер. Мне так привычнее...

- Об этом можешь сразу забыть. Здесь также как в Европе идет война с французами, поэтому, если я буду звать тебя Пьер, это будет неправильно понято. Нет, тут мы все говорим по-испански, поэтому ты будешь для всех Педро, ну а наедине я буду называть тебя как захочешь... Пьер, так Пьер. Но что это у тебя на щеке?

Отец провел ладонью по моему свежему шраму, оставленному шпагой одного из дюнкерских корсаров.

- Я вижу это след от клинка. Боже мой, мой сын стал совсем взрослым. Может быть у тебя и девушка есть, а? Ну признайся.

- Отец, мы же не одни...

Граф сделал вид, что осекся и посмотрел вокруг, где начала собираться небольшая толпа из местных жителей, и тут только заметил за моей спиной стоящего Николаса.

- Здравствуй мой старый боевой товарищ. Спасибо, что довез Педро живым и здоровым, - отец хлопнул по плечу моего камердинера. - А вот на счет невредимости... Но об этом после... Ну а теперь, - обратился он к своим чернокожим слугам, которые широко и умильно улыбались, видя нашу встречу, - хватайте вещи и несите домой. А мы с тобой. Педро, немного прогуляемся. Надеюсь ты не устал с дороги? Просто у меня тут есть еще дела.

Морское побережье около Санто-Доминго было недоступно для того, чтобы к нему приставали корабли из Европы, поэтому все суда сначала заходили в устье реки, минуя форт, а потом разгружались в специально оборудованном месте. Остальная же эскадра ждала их в это время на морском рейде.

- Что я могу? Лишь писать об этом куда следует, - кричал мой отец. - Не могу же я покупать все это на собственные деньги? Или вы думаете, что это моя приватная война? Если им там наверху не нужны эти земли, то об этом уже все давно догадываются. Лишь фанатики думают, что мы тут работаем на благо какой-то родины, которая уже давно положила на нас своим большим прибором.

- Ну, не нужно так кипятиться, - говорил ему капитан нашего "Feliz Navidad". - Что мне было погружено, то я и доставил вам, согласно вот этим бумагам. Не знаю, чего вы так сердитесь. Если бы о ваших нуждах забыли, то не прислали бы и этого, как остальным губернаторам. Поверьте мне, капитану который пойдет еще в Каракас и Каратхену, Пуэрто-Белло и Веракрус - вы счастличик, и должны радоваться тому, что на особом счету, и вам хоть что-то присылают.

- Да, но это лишь малая доля того, что мне необходимо. Неужели там в Севилье и Мадриде думают, что можно обойтись мизером в столь крупном деле? Радость отца после встречи сменилась яростью, когда он прямо на пристани вскрыл ящики и увидел, что прислали ему из Испании. По его словам он заказывал кремневые голландские мушкеты последних образцов, а получил старинные фитильные аркебузы прошлого века, просил легкие итальянские пистолеты, а прислали тяжелые и старинные колесовые.

- У меня впечатление того, что они просто избавляются от хлама, - сетовал он мне когда мы шли по городу. - Не понимаю, куда смотрит герцог Медина-Сидония. Он же обещал мне присылать даже за свой счет все необходимое и самого лучшего качества...

Неожиданно отец посмотрел на меня и осекся. Его сомкнутые брови разошлись, светлые глаза подобрели, а на губах появилась улыбка.

- Но не будем омрачать твой приезд, дорогой мой сын. Для меня сейчас всего дороже именно это. Ведь ты даже не представляешь, какие политические интересы сплелись вокруг этого колониального города. И какие вельможи замешаны в этой игре, включая дона Гаспара де Гусмана девятого герцога Медина-Сидония. Жалко, что ты не смог побывать в его дворце в Севилье, а то бы познакомился с его женой благочестивой доньей Жуаной Фернандес де Кордоба и славным продолжателем рода доном Жуаном, которому очевидно сейчас около двенадцати лет. Николас говорил мне о неприятностях с которыми ты столкнулся. Очень жаль. Однако не будем больше об этом. Кстати, в честь твоего прибытия я намерен дать прием. Ты помнишь, что во Фландрии я содержал собственный пехотный полк с дюжиной рот по 250 солдат, и наверное знаешь, что я его выгодно продал, поэтому смог устроиться здесь весьма неплохо. Конечно все это лишь по местным меркам, но надеюсь тебе понравится наш дом. Он один из лучших в городе, если конечно не считать особняк президента де Монтемайора.

Произнеся это имя отец запнулся, и оглянулся по сторонам. Мы шли узкими городскими улочками, в которых кипела повседневная жизнь, но отец почему-то понизил голос.

- Видишь ли... Я не писал тебе этого, не хотел доверяться бумаге, но мой главный враг здесь именно этот самый дон Хуан Франсиско де Монтемайор-и-Куэнса. Раньше он был на Эспаньоле неограниченным хозяином, заправлял всем, но с моим приездом его права были сильно урезаны. Это длинная история, но я должен ее рассказать.

Мы шли от порта небольшой улицей. По бокам которой стояли неказистые беленые дома. Почти все они были одноэтажными, с огородом или садом за забором.

- После того, как несколько лет в Испанию из Индии не приходил флот с серебром, на моей родине в Андалусии вспыхнуло восстание. Мало того, что там были эпидемии, плохие урожаи, но и почти полностью прекратилась заморская торговля, которой живет эта провинция. Дело дошло до голодных бунтов, центром которых стала Гранада, за которой последовали восстания в Кордове и Севилье. Герцоги Медина-Сидония, графы Барахас, герцоги Алькала, герцоги Аркос, словом вся андалузская знать потеряв свои заокеанские доходы, надавила на нового первого министра дона Луиса де Аро, а тот в свою очередь поставил этот вопрос перед нашим мудрым монархом Филиппом IV. Ты знаешь, что я родом из Андалусии, поэтому именно меня порекомендовали местные гранды отправить в Западные Индии, чтобы исправить положение. Их план был такой: изменить маршрут следования серебряного флота в Испанию. Больше не ходить через Гавану и опасный своими рифами Флоридский пролив, а отправляться через Атлантику из Санто-Доминго. Для этого нужно было укрепить сам город привести в порядок Эспаньолу, где возникли стихийные протестантские поселения французов, англичан и голландцев, поддерживающих тесную связь с контрабандистами и корсарами. Именно последних, которые обосновались на Эспаньоле, андалузские вельможи винили в

перехвате их кораблей, груженных серебром из Перу.

Словом, я прибыл в чине капитан-генерала с особыми полномочиями от короля, который отдал под мое командование все военные силы, находящиеся на острове, а дону де Монтемайору оставил лишь гражданскую власть. За это он кипит ко мне страшной ненавистью, часть которой достанется и тебе. Будь готов. Здесь его называют "президент", это что-то сродни испанскому "аделантадо". Дело в том, что в Западных Индиях существуют так называемые аудиенсии. То есть трибуналы, действующие, как административный совет на определенной территории. Он состоит из президента и нескольких оидорес. Так вот дон де Монтемайор и является президентом острова Эспаньола. Ему подчиняются все органы управления, кроме конечно юрисдикции местного епископа, и моих солдат, естественно.

- Но меня-то за что этому президенту ненавидеть? Ведь я только что ступил на берег и еще в глаза его не видел...

Отец улыбнулся и посмотрел на меня. В его светлых глазах, находящихся в тени широкополой шляпы, мелькнули искорки. Глядя на него я почему то вспомнил детство. Тогда он был намного моложе. Не было морщин около глаз, седины в усах и бороде, живота, который неизменно стремится появиться у каждого мужчины, которому переваливает за сорок. Отец был всегда чем-то занят, поэтому, когда я был мальчишкой, то всегда стремился завоевать его внимание. И в те нечастые минуты, когда он уделял мне его, отрываясь от дел, я был неизменно счастлив. Счастлив также, как сейчас. Ведь я снова иду рядом с тем, кого люблю всем сердцем, и несмотря на его жесткий и нетерпеливый характер, готов идти и дальше.

- Это неважно. Ты сын того, кто вольно или невольно отнял у него часть его власти. Он всячески препятствует всем моим действиям, чтобы доказать Мадриду, что я ничего не умею, и ничего не добьюсь. Думаю, что будет препятствовать и твоей карьере, ведь он всеми силами добивается моей отставки и отзыва. Постоянно, при всяком удобном случае, ставит палки в колеса. Кругом шныряют его шпионы и мне почти не на кого положиться, если не считать моего бывшего адъютанта еще по полку во Фландрии отважного андалузца Хосе де Кесада. Ты его должен помнить. И двух опальных дворян, которых я подобрал в Севилье после неудачной дуэли. Это граф дон Габриэль де Рохас-Валле-и-Фигуэр и дон Бальтасар де Кальдерон. Но теперь с твоим приездом я имею на одного сторонника больше. Это вселяет в меня надежду.

В этот момент к нам подбежал запыхавшийся некий солдат, который что-то выдохнул, а скорее выпалил скороговоркой, но что именно разобрать не удалось, из-за его слишком тяжелого и прерывистого дыхания. На нем был грязный желтый камзол, залитый потом и жиром, помятая серая шляпа с широкой тульей и драным пером, красные штопанные перештопанные чулки (вернее сказать они когда-то имели этот цвет, но благодаря неумолимому тропическому солнцу уже давно изменили его не в лучшую сторону) и черные кожаные стоптанные башмаки с пряжками, покрытые толстым слоем городской пыли, на которую так щедрЫ улицы Санто-Доминго. О том что посланец был военным говорила шпага и патроны к мушкету, висевшие на его перевязи. Однако тяжелое огнестрельное оружие отсутствовало. Скорее всего, солдат оставил его сослуживцам, когда был отправлен на поиски моего отца. Когда, едва переводящий дух от бега, вояка, увидел, что мы ничего не понимаем, то повторил.

- Он снова... на прежнем месте... монсеньер. Вы приказали сразу же... если он появится...доложить...

- А, этот ваш лесной дух, - догадался отец. - Ну что ж, сын, пойдем посмотрим на местную достопримечательность - духа леса. Теперь он стал являться и днем. Мы свернули с нашего пути и пошли за солдатом на северную окраину города на бастион Сен-Филиппе. С него открывался хороший вид на пустое пространство перед крепостными укреплениями.

- Вот он, вот, смотрите, стоит там на бугорке, - закричали караульные солдаты, указывая куда-то в даль.

Там действительно можно было различить человеческую фигуру, стоящую на небольшом холмике, широко расставив ноги. Это было чуть дальше мушкетного выстрела. -

Это Дух леса, я сразу его узнал, - с жаром выпалил один из солдат. - Это он убил Хосе и Мигеля.

- Ну какой это дух, это обычный человек. Вы что, действительно считаете, что дух может стрелять свинцовыми пулями? Сейчас глянем на него поближе. Отец достал небольшую подзорную трубу.

- Итак, это явно человек белой расы, с длинными светлыми волосами, заплетенными спереди в косички, и с такой же светлой бородой. На его туловище мешок из шкуры дикой коровы с дырками для рук и ног, длинные штаны из свиной кожи, высокая шапка... Оружия не видно. А что у него в руке?

Не успел отец произнести последнюю фразу, как, стоящий неподвижно, лесной дух ожил, поднял руку и протрубил в что-то похожее на рог. Звук был несколько приглушенным, но зато огласил все окрестности. После этого фигура снова замерла, словно также всматриваясь в нас, находящихся на бастионе.

- Точно! Именно этот каналья вчера и позавчера хладнокровно застрелил по одному часовому на нашем бастионе, - отрапортовал сержант. - Пока мы выходили на его поиски, он уже растворился в лесу. Говорят, что это сам Дух леса, и что - это само проклятье местных индейцев, наложенное на всех испанских солдат.

- Какой дух, какое проклятье, опомнись Фернандо. По виду это обыкновенный матадорес. Может англичанин, но скорее всего француз. А уж индейцев тут нет лет сто. Местные племена были совершенно безобидными идиотами, поэтому и передохли как мухи.

Тогда мой отец придвинулся ближе к брустверу и стал внимательней вглядываться в таинственную фигуру. Скорее всего Лесной дух заметил это, так как поднял свои руки к небу, а потом одну из них направил по направлению к нам. Оттопырил один палец, а потом сделал вид, что выстрелил из него. Улыбнулся и протрубив в рог, не спеша скрылся в зарослях.

- Мне показалось, что он узнал вас, - сказал сержант, обращаясь к моему отцу. - Словно только и ждал вашего появления...

- Какие глупости..., - ответил мой отец.

Но тут все с таким страхом и сочувствием посмотрели на отца, что даже у меня пробежали мурашки по спине.

- Идем, сын, нам еще нужно готовиться к приему, а этот каналья явно меня испугался, и уже больше не появится.

По дороге к дому, я спросил отца о Лесном духе.

- На острове ходят много легенд, одна из них про некоего Одинокого стрелка, которого еще называют Лесным духом. Якобы этот охотник является тогда, когда нужно отомстить на невинно убиенных. Эта сказка особенно в ходу у местных негров и мачо. Только все это глупости. На острове полно иностранных охотников, которые стали тут селиться еще лет тридцать назад. В основном это выходцы из Франции. Однако раньше они никогда не заходили столь далеко на западную часть Эспаньолы, и не приближались с такой наглостью к столице, тем более не убивали часовых солдат, и не трубили при этом в рог.

- Значит есть что-то в этом Одиноком стрелке, что не укладывается в обычные рамки?

- Конечно есть, но об этом лучше не говорить, чтобы не пугать местных. Загадок много.

Куда, например, девались пули, которыми он убил двух часовых. И почему, когда около десятка мушкетеров открыли ответный огонь, ни одна пуля в него не попала, хотя он стоял неподвижно на своем холмике, и даже не думал прятаться. А если это сопоставить с тем, что этот Стрелок сначала появился в Сан-Фелипе-де-Пуэрто-Плата, потом в Сантьяго и лишь сейчас у нас, то можно действительно предположить, что он кого-то ищет. Возможно даже меня...

- Но разве не пробовали его поймать?

- Когда он появился во второй раз, после того как застрелил первого часового, мы послали на него из городских ворот пятерых всадников-лансерос, но пока они лишь немного сумели к нему приблизиться, он хладнокровно убил под ними лошадей, так что о нападении можно было забыть. К тому же у этого Одинокого стрелка какой-то слишком необычный мушкет. Он бьет на такое расстояние, которое нашим и не снилось, и невообразимо быстро умеет перезаряжать свое оружие. В Сантьяго он застрелил десятерых из пятнадцати солдат, которые вышли, чтобы его схватить. Причем это было на таком огромном расстоянии, что никто из них даже не помышлял применить свое оружие.

Мы шли по улицам Санто-Доминго от северного бастиона в центр этого одного из самых красивейших испанских городов Западных Индий, построенном братом его открывателя. Помните есть еще такой испанский стишок:

*A Castilla y a Leon,
Nuevo mundo dio Colon.*

Но я имею в виду брата Кристобаля Колона Бартоломео, основавшего здесь новую столицу острова 4 августа 1496 года. Мы посетили кафедральную базилику Менор-де-Санта-Мария, где покоятся останки великого адмирала, прошли мимо небольшого без всяких украшений дворца Диего де Колона, или как его еще называют Алькасар-де-Колон, где даже в самый зной сохраняется прохлада, миновали старую башню Торре-де-Оменахе, осмотрели западные городские укрепления, три башни с воротами и рвами, потом церкви Сан-Николас и Сан-Франциско, затем первый университет в Новом Свете, основанный еще в 1538 году, попробовали местный напиток лемонсито, и наконец подошли к дому отца. Это был особняк в колониальном стиле, где умело сочеталось испанское и марокканское зодчество, и где мне предстояло жить. На пороге нас уже встречала многочисленная челядь, в основном непонятной смешанной чернокожей расы, а также мой старый Николас, довольный тем, что, несмотря на все мои многочисленные попытки, он все же довез меня до места назначения живым.

На вечер был назначен прием в честь моего приезда, который должны были посетить все самые значимые лица столицы острова. Дом бурлил приготовлениями, наверное также как весь город. Не хочу описывать все это, поскольку довольно глупо, когда тебя представляют нескольким десяткам чужих людей, пришедшим лишь поглазеть, как выглядит сын губернатора, и что можно полезного из него извлечь для себя. По сути никто не разделял радости отца, но все делали вид, что счастливы не менее, что я

наконец-то приплыл к нему из Старого Света. Особенно старались гости с дочерьми на выданье. Все эти Магдалины, Маргариты и Марии-Терезии, показались мне ужасно глупыми жеманницами, а их наряды полной безвкусицей. Но их родители были еще хуже, и напомнили тех мелких мушек, о существовании которых я сразу же узнал, как только сошел на берег. Их тут называли москас или москитос. Стоило тебе только остановиться, как они словно по команде слетались со всех сторон с надеждою закусать тебя до смерти. Вот именно в таком окружении я и находился сейчас, с той лишь разницей, что это были люди из местного света, желавшие представить мне свою дочь с самой выгодной стороны. Кто-то рассказывал об обширных сахарных плантациях, которыми владеет совсем неподалеку от Санто-Доминго, кто-то описывал свои обширные пастбища в какой-то провинции, где у него несметные стада, а также рассказывал о своем годовом доходе и т.д. Я вежливо улыбался, выслушивал очередные комплименты на счет моих брабантских кружев, и все начиналось с начала. Подходил новый папаша, а еще хуже мамаша, которая расспрашивала меня о Мадриде, где я никогда не был, о придворной жизни, о моде и подобной чепухе, которой они придавали слишком большое значение.

В глубине сердца я твердил себе, что возможно все эти колонисты на самом деле милые люди, просто им хочется побеседовать с новым человеком из Европы, расспросить его как следует. Я пытался рассказывать, что Испания произвела на меня неприятное впечатление своей бедностью и грязью, тогда они снисходительно улыбались, словно это я приехал к ним в Европу из колоний, говорили, что мое мнение ошибочное, и что лучше и богаче Испании нет страны во всем свете, поскольку именно туда стекается все золото Западных Индий. На мои возражения, что все это золото испанцы отдают за те же брабантские кружева и другие предметы, которые сами не делают, вызывал у них уже хохот. В этот момент они еще выше задирали нос, прямо таки наливаясь гордостью до самых краев, снисходительно объясняя, что нация испанцев является гегемоном во всем мире, которую работают все остальные страны. Я представлялся им неким нерадивым студентом, которому непременно нужно прочесть лекцию о величии нашей родины, о патриотизме, о какой-то национальной идее, и об особом месте испанцев в мире.

Было смешно смотреть на этих глупцов, погрязших в собственной чванливой гордыне. Они считали Испанию гегемоном несмотря ни на что, она уже давно такой не являлась. Родившись во Фландрии я прекрасно знал, почему испанский король столько лет воюют с голландцами, чтобы заставить их вернуться под его руку. Все было в деньгах. Дело в том, что Нидерланды приносили испанской короне гораздо больше дохода в виде налогов, чем она получала из Америки. Я знал и то, что золото и серебро Западных Индий уходит у испанцев сквозь пальцы, и идет на развитие промышленности других стран. Что в Испании уже давно почти ничего не производится.

Я казался окружающим лишь необученным молодым человеком не понимающим смысла жизни, а они мне настоящими безумцами, сознание которых затуманено какой-то национальной идеей, о значении которой все готовы были говорить часами. Боже мой, как они с этой своей идеей далеки от обычной настоящей жизни, - думал я в это время. Они считают себя какой-то особенной нацией. Но зачем? Чтобы истратить на поддержание этой фикции все золото и серебро Перу?

...Выслушивать женские глупости было еще хуже. Этот фальшивый смех, беззаботное щебетание, уверенность в собственной непогрешимости, знание ответов на все вопросы, самонадеянность, все это было ужасно. Но вдруг повернувшись я увидел ее. Это была девушка входящая в дом под руку с пожилым кабальеро. Словно пуля пробила мою грудь на вылет, когда она взглянула на меня. Я тут же отвел свой взгляд. О, Боже. Это была она. Та единственная. Я отвернулся, делая вид, что увлечен очередным разговором о политике, который рядом вели иезуит и доминиканец. Я переводил дух. Какая красота. Какое изящество в походке, какие тонкие черты лица, какие волосы, какие руки, какая грация в движениях. Я в полглаза незаметно наблюдал за незнакомкой. Да, это была девушка мечты. Но вот отец подводит ее ко мне. Боже, как она хороша.

- Разрешите вам представить, дон Антонио, это мой сын Педро, а это адмирал дон Антонио де ла Плаза, гроза всех иностранных кораблей в наших морях, командир знаменитой Armada Barlovento, со своей дочерью доньей Марией.

Боже, какие у нее были красивые карие глаза, какая улыбка... Но не успел я как следует раскланяться, как с улицы послышались крики, оповещавшие, что прибыл сам президент дон Хуан Франсиско де Монтемайор-и-Куэнса с женой и двумя дочерьми толстухами. Конечно, он был горд, что единственный на острове имел карету, но только взглянув на нее, я еле сдержался от смеха. Бросив взгляд на донью Марию, я понял, что она заметила мои невольные чувства, и также слегка понимающе улыбнулась.

Встретив президента, отец подвел его ко мне и представил с довольно довольным видом.

- Говорят, молодой человек, что вы любите фехтование, - спросил дон Хуан. -

Как любой дворянин, я с детства обучаюсь умением владеть шпагой, - поклонившись ответил я.

- До меня дошли сведения, что вы необычайно и чрезвычайно преуспели в этой области, и что от этого даже имели некоторые неприятности в Европе. -

Вы очевидно путаете меня с кем-то. Мои достижения слишком малы и обычны, чтобы на них обращать внимание.

- Разве? А вот ваш слуга заявляет обратное. Говорят вам прямо-таки нет равных.

- Мой сын весь в меня, - встрял в разговор мой отец. - Я первым учил его фехтованию, и надеюсь от меня он унаследовал не только мою шпагу, но крепкую руку и вёрткую кисть.

- Но надеюсь, дорогой граф, что в отличие от вас он не будет вызывать на поединки моих самых преданных людей? А?

В ответ на это мой отец лишь сделал вид, что поклонился, и любезно подхватив под руку президента увлек его в сторону, о чем-то оживленно спрашивая. Я снова взглянул на донью Марию, которая похоже также смотрела в мою сторону, немного закрываясь мантилей. Какая же красота. Какие изящные руки, тонкие пальцы...

- У нас тут не любят, когда приезжие пялятся на чужих невест, - вдруг услышал я голос сзади.

Это был некий кабальеро лет сорока, мне еще не представленный. Он окинул меня презрительным взглядом, и съязвил, что в Санто-Доминго нет ни одного тренировочного фехтовального зала, так что мне будет негде поразить воображение дам.

- У нас не делят рапиры на белые или черные, а всегда фехтуют по-настоящему. Так что, противники всегда заглядывают в лицо смерти. Боюсь, это вам мало знакомо, и из-за этого у вас здесь не получится продемонстрировать свое мастерство.

- Не бойтесь, вам это не грозит, - ответил я. - Я никогда не фехтую с теми, кому не представлен.

- Я главный альгвасил Санто-Доминго дон Хуан де Мальпика. Это славного имя наш род носит уже много веков, поэтому у меня нет нужды в представлениях. Если вы не знаете Мальпику, то это говорит лишь о вашем узком кругозоре.

- Почему же, мне знакомо ваше гордое имя. Кажется это ваш родственник недавно позорно бежал от французов во Фландрии? -

Вы ошибаетесь. У нас в роду не было трусов.

- Тогда как назвать поступок доблестного генерала, который после того, как получил от французов легкую взбучку под Люксембургом уже больше не помышлял о сопротивлении и уехал, оставив свою армию? Мне также вспоминаются, что после этого маркиз закрепил свою изрядно подмоченную репутацию и в Италии, когда снова попал в окружение, и бросив свое соединение снова в тайне скрылся. Так вы настаиваете, что гордитесь именем, которое носите?

Черные брови моего собеседника сдвинулись, зубы стиснулись, кулаки сжались, лицо побагровело.

- Вы - негодяй и выскочка, - прошипел дон Хуан. - Вы ответите мне за свои слова.

- Когда и где?

- Сегодня же вечером. Приходите в полночь на бастион Сен-Филиппе. Можете без секундантов. У нас тут не принято втягивать своих друзей в приватные распри. Я также буду один. Слово чести.

- Очень любезно с вашей стороны, уважаемый дон Хуан.

Мы раскланялись, и на этом пока расстались. Интересно, что бы сказал Николас, когда узнал бы, что в первый же вечер пребывания в Новом Свете у меня сразу же наметился поединок. Гостей пригласили за стол, где я сидел рядом с отцом и президентом, поэтому был вынужден ухаживать за его полными дочерьми, беспрестанно несущими всякий вздор, и строящих мне глазки. Донья Мария сидела рядом со своим отцом адмиралом и доном Мальпикой, который с ухмылкой бросал на меня презрительные взгляды. Вскоре в мощном булыжником внутреннем дворе дома, где зажгли иллюминацию, заиграли музыканты, а гости вышли танцевать.

Однако я горел желанием расспросить кого-либо о донье Марии, поэтому направился к отцу.

- Она что, тебе понравилась? Не сходи с ума. Она же длинная как жердь, худая как палка, к тому же у нее зубы лошадиные. Обратил внимание, когда она улыбается, то видны все ее десны. Не дать не взять кобыла Дон Кихота. Да и помолвлена она уже с доном де Мальпикой. Ну и поделом ему. Ты лучше посмотри на дочерей президента. Вот где кровь с молоком, есть на что положить взгляд, а эта.

Отца отвлекли, и я отошел. Его слова несколько не повлияли на тот ангельский образ, который у меня уже сложился в голове. Лошадиная улыбка? В моих глазах этот недостаток несколько не портил девушку, которую я с первого взгляда выделил из толпы. Даже то, что она была помолвлена, не повлияло на мою любовь с первого взгляда. А то, что моим соперником был этот хлыщ, меня даже радовало.

Но мне предстояло еще одно дело. Нужно было найти не секунданта, а хотя бы того, кто объяснил бы мне, где находится этот пресловутый бастион. Единственного человека, который подошел бы лучше всего, и которого я давно знал, был бывший адъютант моего отца по его полку во Фландрии Хосе де Кесада. На его поиски я и направил свои стопы. Однако вскоре я узнал, что два дня назад он был отправлен моим отцом со специальным поручением на север острова в Сан-Фелипе-де-Пуэрто-Плата. Об этом мне рассказал дон Бальтасар де Кальдерон, которому я был представлен с четверть часа.

- Достославный дон Бальтасар, я понимаю, что мы не так уж давно знакомы, но у меня есть к вам дело весьма частного характера, с которым я не могу обратиться к кому-нибудь другому, - начал я неуклюже и издалека свой вопрос. - Дело в том, что у меня сегодня должен состояться поединок, но я не знаю, где находится некий бастион Сан-Фелиппе, на бруствере которого должна состояться моя встреча сегодня в полночь. Кабальеро, к которому я обращался, был тучного вида мужчина лет тридцати, с приветливым выражением лица, с лихо подкрученными усами, и с живыми смеющимися глазками.

- О, мой дорогой дон Педро! Вам повезло и вы обратились как раз по адресу. Я тот самый человек, который вам с радостью поможет во всем, также, как ваш отец помог мне избежать гнева короля. Мы с дном Габриэлем де Рохас-Валле-и-Фигуэра с большим удовольствием придем вам на помощь и станем вашими секундантами. Но не перепутали ли вы место и время поединка?

- Нет, я точно помню, что дон де Мальпика назвал именно этот бастион.

- Ах вот с кем вы деретесь. Тогда все ясно. Вы никогда не слышали про Одинокого стрелка?

- Не только слышал, но и видел его сегодня днем собственными глазами.

- Тогда вы должны знать, что он уже дважды ночью приходил к крайнему северному бастиону Санто-Доминго и убивал часовых, пока они вообще не перестали показываться на бруствере. На этом-то бастионе вам и назначена встреча. В связи с этим я могу предположить, что если вы явились бы туда, до того, как я вас предостерег, то наверняка были бы убиты этим Одиноким стрелком, а ваш противник был бы избавлен от заботы протыкать ваш своей шпагой. Понимаете, о чем я?

Я отлично понял коварный план де Мальпики заманить меня в ловушку и обстрипать все дело чужими руками.

- Этот де Мальпика совершенно гнусный и бесчестный тип. Дон Габриэль еще месяц назад вызвал его на поединок, однако этот каналья до сих пор находит предлоги его отсрочить. Затягивать дело - вот основная черта этого прохвоста. При этом он думает, что обхитрив противника он сохранит честь. Пойдите скажите ему, что между кабальеро такое не принято. У него другие понятия. Он считает, что честно проиграть способен только дурак. И похоже президент де Монтмайор его в этом поддерживает. Словом, они стоят друг друга...

Но я уже не слушал своего собеседника, горя только одним желанием, высказать все это своему противнику. Я застал де Мальпику в обществе своего отца.

- Дон Хуан, вы бесчестный человек, который не достоин звания кабальеро. Вы поступаете как крестьянин, а не дворянин. Вы хотели заманить меня в ловушку, чтобы избежать поединка со мной? Так вот вам!

И я ударил начальника полиции по щеке. Это произвело настоящий шок в зале. Все лица были обращены к нам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Из рассказов капитана Пикара

Не помню, говорил я это или нет, но у буканьеров было принято носить прозвища. У моего нового хозяина Жан-Клода оно тоже было - Особый. Он действительно был не такой как все, поскольку всегда ходил один, без напарника. Я уже наверное рассказывал, что тогда на Сан-Доминго, да и много лет спустя тоже, было в правилах иметь товарища. Этот союз назывался матлотажем. В этой дикой стране таким образом было легче выжить. Но Жан-Клод ходил один. На все вопросы по этому поводу он отвечал, что напарник у него есть. Только вот в чем была заковырка, никто этого напарника никогда не видел, кроме самого Особого. Он даже иногда разговаривал с ним, называя Жюлем. Прямо мурашки по коже у всех ползли, когда Особый начинал это делать. Создавалось впечатление, что Жюль находится прямо рядом с нами, только мы его не видим, словно он дух, а не человек. За это буканьеры и дали ему его прозвище. Рассказывали, что они подобрали его полумертвого где-то на берегах Антибонита. Он лежал у воды весь в крови, а в голове у него была здоровенная рана от пики лансерос. Но здоровье у Жан-Клода было лошадиное. Выжил, хотя и потерял глаз. О своем прошлом буканьерам рассказывал неохотно, только то, что жил в Гонаиве с семьей, а потом перебрался в Мирбалете, где построил ферму и разводил коров. Однажды туда нагрянули лансерос всех перебили, а ферму сожгли.

Особое уважение Жан-Клод снискал у буканьеров за свою необычайную меткость. Вообще буканьеры любили соревноваться в стрельбе, и наверняка его бы прозвали Метким Стрелком, если бы не его особенность. При одном глазе он видел лучше, чем все остальные. Попадая в самые далекие цели, которые с трудом и разглядеть-то было можно, он говорил, что это всего лишь дело привычки. Он действительно никогда не промахивался, и это была его самая странная особенность. Кроме этого Жан-Клод умел с огромной скоростью перезаряжать свое длинное ружье, чему постоянно учил и меня. Вскоре, благодаря усиленным тренировкам, я стал не уступать ему в этом. Словом, Особый ему подходило больше, чем просто Меткий Стрелок.

- Вставай, пошли, пора, - сказал он мне однажды утром. И мы молча двинулись с ним на восток. На все мои расспросы о цели нашей экспедиции, он отвечал, лишь то, что они с Жюлем решили расквитаться по старым долгам. К этому времени я уже немного привык к незримому присутствию этого загадочного Жюля, но все равно было как-то не по себе.

- В последнее время он ведет себя слишком странно, - однажды сказал, обычно молчаливый Особый. - Пропадает неизвестно куда, потом внезапно появляется. Он вообще всегда был беспокойным, но не настолько же.

- Вообще-то тут никого нет, - попробовал я намекнуть.

- Прекрати болтать, - получил в ответ. - Я поэтому и купил тебя, что Жюль плохо мне помогает. Не разводит костры, не готовит еду, не чистит оружие. Он говорит, что нужно идти мстить, а до остального ему нет дела. И все время торопит меня и торопит. Я уже переслал место себе находить. Иногда он будит меня во сне и говорит: отец, ты что забыл, ты обещал страшно отомстить убийцам твоей семьи.

- Мстить за семью?

- Да. Ведь Жюль это мой старший сын. Он один у меня и остался

- Так мы идем к испанцам?

- Да. Жюль говорит, что разузнал, кто убил его мать, братьев и сестер. Что даже уже разведдал, где лагерь этих каналий лансерос. И мы сейчас идем туда.

- Не слишком ли нас мало, чтобы сражаться с целым отрядом? Что мы сможем сделать вдвоем?

- Втроем. Ты что, себя не считаешь.

- Нет, я не считаю Жюля. Ведь его нет.

- Он есть. Посмотри туда. Видишь он идет впереди? Он всегда был хорошим охотником. Он выведет нас на лагерь лансерос. Остальное не твоя забота.

Ни хрена я никого не видел. Впереди Особого никого не было. Мне стало еще более жутко, когда Особый сказал мне, что главное не то, что ты смотришь, а то, что ты видишь. Из этого я понял, что скорее всего пропаду бесследно в этих диких лесах, вместе с этим безумным буканьером, и стал подумывать о том, что же мне делать. Тем временем наш путь из Свободной Гавани, как я уже рассказывал, лежал на восток. Мы вышли на просторную равнину, которая была долиной реки Сантьяго. Еще ее называют рекой Морте-Кристи, из-за того, что она впадает в море около этой вершины. На равнине паслись большие стада диких коров и быков. Однако они не интересовали моего хозяина. Он добывал лишь нам на пропитание.

- Жюль говорит, что лагерь уже близко, вон там, - сказал Жан-Клод, ткнув пальцем вдаль. - До него пару часов ходу.

Я ухмыльнулся, но промолчал. Ну что ж, посмотрим, что ты скажешь, когда мы ничего не найдем. Может быть тогда поверишь в призрачность существования своего Жюля. Однако к вечеру мы действительно увидели несколько дымок от костров. Представляете? Тогда я в первый раз поверил в существование духов. Ведь не мог же Особый знать с такой точностью, где находится искомый лагерь именно тех лансерос, которым он хотел отомстить за смерть семьи. Однако у меня еще оставалась призрачная надежда, что это лагерь не тех, кто убил его родных. Но она быстро рассеялась после того, как мы подобралась поближе. Это действительно были они. Жан-Клод достал свою подзорную трубу, хотя и без нее видел не хуже.

- Они, - сказал Жюль. - Их человек двадцать или двадцать пять. Ну, наконец-то, встретились. Теперь им не уйти. Нужно только найти удобную позицию. Жалко место ровное. Не подобраться, но ничего, мы ночью их возьмем.

- Постой, не собираешься же ты их атаковать?

- Пора отдать долги. Вон вижу того усатого. Это он ткнул меня пикой, а вон тот убил Мишеля. Жалко нет тут их полковника. Ну что ж, спасибо Жюль, что вывел нас на них. Иж, расположились, как дома. Так руки и чешутся. Может быть начать уже сейчас? Что скажешь, Жюль? Я тоже так думаю. Они возвращаются к себе, так что уже расслабились. Смеркается, поэтому если мы подстрелим сейчас парочку, то они не снимут свой лагерь. Решено. Ты обойдешь их с другой стороны. Да, хорошо, я это сделаю, только и ты не забудь.

Я впервые видел Особого таким возбужденным. Его единственный глаз горел, а на губах играла кривая зловещая улыбка. Он отослал меня с мулами в укромное место, а сам исчез в высокой траве. Через некоторое время грянул выстрел, затем еще, еще и еще. До меня донеслись крики, ржание коней, потом все стихло. Я стоял, всматриваясь и вслушиваясь в сгущавшиеся тропические сумерки. Все было тихо. Если Жан-Клода убили, то что мне делать? Наверное нужно будет вернуться обратно в Свободную Гавань. Интересно найду ли я туда дорогу один, без подсказок. Ведь у меня нет всезнающего Жюля. Отправиться прямо сейчас, пока совсем не стемнело? Но куда я пойду ночью, когда ничего не видно. Но если я буду дожидаться утра, то лансерос наверняка обследуют местность, обнаружат мою стоянку, пойдут по следам и в конце концов нагонят. Что же делать, вот положенице. Я, как дурак, стоял и вслушивался, но кроме цикад ничего не было слышно.

- Что стоишь, как истукан, разведи костер, приготовь нам с Жюлем чего-нибудь, - вдруг раздался знакомый голос. - Мы перекусим а потом снова пойдём. Ночь длинная.

- Жан-Клод! Ты жив!

- Что мне сделается. Разве ты не знаешь, что у лансерос нет мушкетов. Их полковник приказал отобрать их и выдать пики. Так что к утру мы с Жюлем думаем управиться со всей этой ватагой. Они сейчас поди забились в свои палатки и трясутся от страха. А мы подождём, а потом опять нагрянем.

Я достал из переметных сумок с наших мулов вяленое мясо, разогрел его на костре. С удивлением и даже с подбострастием смотрел я на человека, который в одиночку планировал перебить целый отряд испанцев. И он бы вполне выполнил свое обещание, если бы утром мы не увидели, что лагеря лансерос нет и в помине. Испанцы не стали дожидаться, когда их перебьют, и ретировались под покровом ночи, даже мертвых не забрали. Обшаривая карманы поверженных врагов, я заметил, что у каждого из них была дырка в голове.

- Канальи потушили костры, думая, что мы с Жюлем не можем видеть их и в темноте, - сказал Особый, скривив губы в презрительной ухмылке. - Ты же знаешь, что нам это раз плюнуть.

И снова поход. Жюль уверенно провел нас долиной реки Сантьяго, приведя к испанскому одноименному городу. Там Жан-Клод развлекался тем, что трубил в рог и стрелял в часовых на местном форте прямо среди белого дня. Затем всматривался не появится ли на стенах испанский полковник, которого он винил в смерти семьи. Однажды солдаты решили его схватить. Открыли ворота и так бодренько из них выбежали. Конечно, я был рядом в укрытии, и видел с какой невероятной скоростью Особый умеет перезаряжать свой особый мушкет, бьющий на огромное расстояние. В начале испанских солдат было человек пятнадцать, а когда они поняли, что им до нас не добежать живыми, то их осталось всего пятеро.

Затем мы двинулись дальше. Перевалили через какой-то перевал, миновав ночью испанский сторожевой пост с башней, и вышли в долину реки Изабелла. Через несколько дней пути Жюль привел нас к Санто-Доминго, испанской столицы острова. Там Особый сначала пострелял в ночь часовых на бастионах, а потом когда они перестали показываться, появился днем и стал нагло трубить в рог, требуя появления того самого полковника лансерос, которого он так искал, чтобы отомстить. Все это время я был рядом в кустах. И вот однажды Особый дождался, и наконец-то увидел на северном бастионе города фигуру своего обидчика.

- Вот он, душегубец. Точно он. Я узнал его. Теперь не уйдет, - и сказав это, Особый как бы прицелился в обидчика из пальца, имитируя выстрел. Затем на его губах заиграла зловещая улыбка. Он поднял рог и еще раз протрубил.

Весь день он шептался с Жюлем, пока я занимался подготовкой еды и чисткой оружия. Наблюдая за всем этим я был просто в панике. Мы нагло пришли в самые густонаселенные владения испанцев, и могли в любой момент быть обнаруженными. Все мои мысли были лишь о том, как мне не повезло попасть к безумному стрелку, бредившему мстостью. И как бы от него сбежать. Ведь он, того и гляди, решится пробраться за стены в город, где нас неминуема ждет смерть. Может для него она и будет желанной, но я совсем не хотел умирать.

Тут я должен заметить, что никогда не отличался трусостью. В молодости вообще не думаешь, что умрешь, поэтому не чувствуешь опасности. Жизнь бьет ключом, а старость и связанная с ней смерть так далеко, что об этом и не стоит задумываться. Впоследствии я это не раз доказал, и в славных делах с Олоне и Морганом. Однако я никогда и никому бы не пожелал являться заложником чьих-то бредовых мыслей или козлом отпущения, а еще хуже пешкой. Я имею в виду, когда твой генерал бросает на произвол какое-нибудь свое подразделение, будь то даже рота, чтобы в этот момент повыгодней отчитаться перед главнокомандующим. Пустить пыль в глаза, отправив главкома в сопровождении большого конвоя дальше. Того самого конвоя, который должен был служить подкреплением для гибнущей в окружении роты. Я был наслышан о таких подлостях. Но слава Богу за береговыми братьями такого не водилось. Я имею в виду буканьеров, да и всех остальных поселенцев Сан-Доминго, которые стали называть себя "братьями побережья", не только из за того, что жили у моря, но и из-за того, что были братьями по несчастью, а соответственно и братьями по оружию. Особенно ярко это проявилось во время последней войны испанцев с буканьерами.

Помню, мы с Франсуа... Что вы говорите? Вам интересно, что стало с Особым? А сами вы как думаете? Случилось то, что и должно было случиться. Однажды он ушел вместе с Жюлем и не вернулся. Было это, кажется, под Сантьяго. Он выслеживал своего полковника лансерос, который, как сказал ему Жюль, отправился на охоту на беглых негров.

Здесь нужно заметить, что у испанцев на Сан-Доминго было масса негров. Их привозил из Африки в Пуэто-Плату, в основном, англичане, естественно контрабандно. Испанские плантаторы отчаянно нуждались в рабочей силе, так как местных жителей было мало, а индейцев испанцы повывели лет сто назад, как тараканов. Были еще так называемые "мачо", которых испанцы привозили на Сан-Доминго из своих колоний на материке. Это были самые забитые и подлые людишки, которых мне было суждено видеть за всю свою жизнь. Они были не то потомками каких-то индейцев, не то еще какой невообразимой экзотической колониальной смесью. Но не смотря на то, что не отличались ростом и силой, были бесконечны в своей безропотности. Они словно мулы знали в жизни лишь одно - работу. Когда я однажды вместе с несколькими товарищами, спасаясь от преследовавших нас испанских солдат попросил временного убежища в их убогой хижине, они тот час нас предали преследователям. И это не смотря на тот кошелек золотых, который я отдал им за молчание, и который мог обеспечить их безбедную жизнь до самой смерти. Что можно взять с рабов, кроме цепей. Урод умрет уродом, а герой героем.

Не мое дело приписывать себя ни к первым ни ко вторым, но Особый был действительно героем. Хотя его им и делало безумие. Как говорится, ни младенец, ни сумасшедший не

ведает, что творит, и не может отвечать за свои поступки. Словом, после того, как мы с Особым случайно по глупости напоролась в перелеске на некоего кабальеро, очевидно отставшего от охоты, я твердо решил, что буду искать момента смыться от своего безумного буканьера. Я решил оставить ему одного мула, а второго забрать себе, и уйти с ним подальше на запад. У меня не было никакого сомнения, что в своих рискованных играх со смертью Особый проиграет. И лучше, чтобы это было без меня. Поэтому, когда вышла осечка с Жюлем, и тот не предупредил нас, как обычно это делал, о приближающихся испанцах, я имею ввиду некоего кабальеро, который неожиданно выехал на нас из кустов и высокой травы под Сантьяго, спрося дорогу в город. Я понял его слова, поскольку он неожиданно для нас повторил свой вопрос по-французски. Мы были на волосок от смерти, поскольку рядом где-то шныряла охота, а сзади этого кабальеро был слуга с мушкетом. Учитывая то, что Особый вблизи почти ничего не видел, и никогда бы не смог попасть из своего длинного ружья даже в слона, нам несказанно повезло, что кабальеро не зарубил его своей шпагой. Что касается меня, то мой мушкет был приторочен к мулу, и пока я его вынул бы и взвел, слуга испанца, наверняка подстрелил бы меня первым. Хорошо, что Особый в этот раз не стал проявлять свое безрассудство, и просто ответил на вопрос испанца, как выбраться на дорогу к Сантьяго. На том мы и разошлись.

Однако, эта встреча повлияла и на дальнейший план наших действий. Особый сказал, что трудно оставаться невидимым с мулами, поэтому он дальше пойдет один.

- Мы с Жюлем уьем этого каналью полковника и догоним тебя. А тебе нужно сейчас же двигаться на запад. Не сомневаюсь, что Жюль найдет тебя по следам уже к вечеру. Ну, давай. Не попадайся испанцам. Уж постарайся, а мы тебя нагоним. Всё, пока.

С этими словами, и не переставая разговаривать с Жюлем, Особый ушел в свою сторону, а я в свою. Вышло так, что ни к вечеру, ни к вечеру следующего дня меня никто не нагнал. Я продолжал свое движение на запад к Свободной Гавани и через несколько дней встретился с отрядом буканьеров, промышлявших диких коров в степях дельты Монте-Кристи. Это был букан Дидье Лебланка. Буканьеры со слугами уже возвращались домой, везя на мулах шкуры и запасы букана. Признаюсь, что и мы с Особым не только выслеживали испанцев, но и добывали себе диких коров и свиней на пропитание. А во время стоянок выделывали шкуры, так что я тоже шел не с пустыми руками.

Естественно, мне пришлось ответить на множество вопросов относительно себя и Особого. Я сделал самое лучшее - не стал врать, и рассказал все, как было на самом деле. Ведь я хорошо знал, как жестоко поступают буканьры со слугами, бросившего своего хозяина в беде. Но мой рассказ о том, как нам удалось побывать у самих стен испанской столицы острова, поразил многих. А судьба Особого ни у кого не вызвала сомнения.

- Наверняка он уже мертв, - высказал общее мнение один из буканьеров, которого называли Франсуа. - Нельзя столько времени ходить по краю пропасти и не сорваться. Не может, даже безумцу, вести так долго.

Вскоре я с караваном буканьеров, к которому я пристал, прибыли в поселок Свободная Гавань, где продали свой нехитрый товар, и прокутив, как положено, почти все деньги от продажи букана и шкур, стали собираться обратно в поход. К тому времени я уже надежно прибил к матлотажу Лебланка, и моим новым хозяином стал Франсуа. Я уже говорил, что парень я был крупный, так что по сравнению со мной мой новый напарник был мне чуть ли не по плечо. Однако помня рассказы Мартена о порядках в матлотажах, я сразу же заявил Франсуа, что если он согласился иметь меня как мальчика на побегушках, то жестоко ошибся, я уже зашиб насмерть одного такого любителя, и не поскоплюсь и впредь.

- Дурак, ты братец, - ответил он. - Ты сам на себя посмотри, какой ты мальчик, эдакая дубина. Если бы мне было нужно мальчика, то я купил бы помоложе и похрупче. Мне нужна твоя сила и только. Так что успокойся, дылда, работы у тебя хватит.

Эти слова были сказаны с таким откровением и подкупающей простотой, без всякой злобы в голосе, что я действительно сразу же успокоился. К тому же мой новый напарник по виду был гораздо слабее меня, так что может быть действительно бояться было нечего. В этих раздумьях я прошел в составе каравана от бухты Свободной гавани, где была наша стоянка, на северо-восток вглубь острова целый день. В составе каравана было шесть буканьеров, десять слуг и дюжина мулов. В дороге я выяснил, что мы направляемся вдоль северного побережья на восток в долину реки Вага-дель-Норте, которую еще называли Монте-Кристи или Рио-Сантьяго, где у нас уже была оборудована стоянка. Слуги других буканьеров рассказали мне о главе матлотажа Дидье Лебланке.

- Это старый и опытный буканьер. Конечно ему далеко по меткости до Особого, но он тоже кое-что может, - рассказывал мне на привале один из слуг по имени Жильбер. - Например запросто попасть бегущему быку в глаз.

- Что там быку, он даже летящему пеликану в глаз попадал, - важно сказал Жак, слуга самого Лебланка.

- А зачем ему пеликан? Разве их едят? - спросил я.

- При желании все можно съесть, - философски ответил Жак. - Только стрелял Лебланк на пари, и выиграл его. Буканьеры вообще любят состязаться в стрельбе. Это их основное занятие. Остальное делаем мы, слуги.

- А что именно?

- Да всю черную работу. Сам увидишь.

В пути мы были целый день. За это время я успел познакомиться со всеми, и буканьерами и их слугами. Это были веселые молодые ребята сразу принявшие меня в свою компанию. Таков уж был местный обычай всех матлотажей - жить дружно и весело, придерживаясь традиций, конечно. Мы пересекли несколько рек и наконец под вечер остановились на берегу Сантьяго. Конечный пункт нашего похода представлял из себя большую поляну, где стояло несколько навесов, крытых пальмовыми листьями. Это и была наша стоянка. Каждый буканьер со своим напарником имел свое место. Франсуа и Лебланк вместе с нами направились под свою крышу. Мы распрягли мулов, сняли поклажу и взялись разводить костер, чтобы приготовить еду. Особо не мудрствуя насадили куски мяса на палки и изжарили их на углях. Затем помолившись, все сели вокруг костра и не спеша поели. Так закончился мой первый день среди настоящих буканьеров. Ибо походы с безумным Особым, которым двигала лишь жажда мести, никак нельзя назвать вольной или приятной жизнью охотника.

На утро, лишь только забрезжил рассвет и загавкали наши собаки, мы снова

помолились, прося у Бога удачной охоты, и отправились в лес на поиски дичи. Дойдя до определенного места Лебланк сказал, что дальше пойдём попарно, и что место сбора будет здесь. Наш отряд разделился. Дальше мы пошли уже вчетвером. Впереди Лебланк и Франсуа с ружьями, сзади я и Жак с мулами. Вскоре наши собаки обнаружили пасущихся диких коров, и накинулись на них. Не успел я со своим мулом подбежать поближе, как грянуло два выстрела, затем еще два. Выйдя из лесочка я увидел на поляне четырех убитых животных.

- Пьер, иди сюда, - позвал меня Франсуа. - Смотри, как нужно снимать шкуру и разделывать.

Франсуа стал ловко сдирать шкуру с дикой коровы, затем разделывать мясо на части. Он даже кости не выбрасывал, а разрубал и высасывал оттуда мозг, который был еще теплым. Это, как он говорил, было самое большое лакомство, да и лекарство от всех болезней. Я брал шкуры и накладывал их на мула, затем Франсуа взял самое лучшее мясо для букана о немного для себя. Потом мы вернулись на свою стоянку, где слуги принялись варить из добытого мяса обед, сушить кожи и коптить букан. После молитвы и обеда все буканьеры немного отдохнули и затем направились посоревноваться в стрельбе. Они то стреляли по птицам, то по неживым мишеням. Например, выбрали апельсиновое дерево и палили по нему стараясь сбить как можно больше плодов и не задеть ветки. Затем выбрали что-то вроде дикой сливы или груши, где плоды поменьше. Это все из-за того, что кто-то из буканьеров сказал, что только неумехи и мазилы выбирают себе дерево с большими плодами.

Бывает, что буканьеры стреляют и по диким лошадям, но уже не просто ради забавы, а для пользы. Из них мы вытапливали жир, а потом меняли у плантаторов на табак. Этот жир использовался для пропитки фитилей для ламп или фитилей для мушкетов и аркебуз. Сами же мы пользовались особыми буканьерскими ружьями из Дъепа и Нанта. Они были довольно короткими и с кремневым запалом. А лучшим порохом считался тот, что привезен из Шербура. Кроме этого мы покупали у плантаторов щенков и выращивали из них настоящих охотничьих собак, которых нередко выгодно продавали, поскольку те очень ценились. За такую собаку давали не меньше шести реалов.

Вот так теперь я проводил некоторое время, позабыв о бесконечных опасностях и стычках, которые постоянно сопровождали мою опасную жизнь с Жаном-Клодом Особым. Я был способным учеником, и постепенно освоил всю науку слуги настоящего буканьера. Причем особого уважение я добился своим умением быстро перезаряжать ружья. Поэтому, когда буканьеры шли стрелять по сливам или апельсинам, то непременно брали меня с собой. Способу скоростной перезарядки, который я использовал, научил меня мой прошлый хозяин. Об этом я уже кажется рассказывал. Секрет его был прост. Бумажный патрон раскусывался зубами, куда пуля была во рту, в ствол высыпался порох, затем выплевывалась пуля, а вместо утробовывания заряда шомполом использовался хороший удар прикладом о землю. Оставалось только насыпать пороху на полку. Пыж вообще не загонялся. Однако в связи с этим были и свои нюансы. Например, при такой зарядке нужно было использовать только один вид пороха, из Шербура. Остальной мог просто не воспламениться, так как в стволе был недостаточно утробован. А без пыжа нельзя было стрелять вниз, так как пуля могла попросту выкатиться из ствола раньше, чем ты нажмешь на курок. Поэтому лучше всего было стрелять с колена.

Однако именно когда я ходил в слугах у Франсуа, я узнал о тех вещах, который должен уметь любой буканьер: ничего не бояться, приходить на выручку, метко стрелять, готовить хороший букан, а главное уметь его продавать. Когда я ходил с Особым, то его вообще мало волновала пища. Только благодаря моим постоянным увещаниям, он добывал нам что-то на пропитание. Порой это была дикая свинья или корова. Особый вообще мало когда со мной разговаривал, поэтому я делал это так как умел. Но теперь я увидел, как нужно правильно различать разные куски мяса. Раньше я просто отрезал первый попавшийся шмоток, насаживал его на парку, и вешал над костром. Когда верхний слой начинал подгорать я его срезал, съедал, и вешал кусок над пламенем снова. Я, конечно, слышал об особом копченом мясе буканьеров, но думал, что его также легко сделать, если подвесить над костром.

С большой ухмылкой я сейчас читаю всяческие псевдо рецепты того самого букана, который якобы делали на Сан-Доминго буканьеры. Очевидно, авторы преследуют лишь одну цель - написать как можно больше и быстрее. Литературная халтура стала основной вехой нового века. Никого не интересует правда... Но это я уже кажется говорил. Так вот, некоторые утверждают, что буканьеры подвешивали мясо над огнем, а есть и такие, что считают, что мясо клали над костром на железную решетку. Удивительная вещь невежество. Ведь прежде чем утверждать, что брошенный в реку топор не утонет, нужно, если у тебя есть голова на плечах, хотя бы попробовать это сделать. Но, клянусь честью, что я читал в некоторых книгах, что "буканьеры коптили мясо на открытом огне". Чтобы такое написать нужно быть именно тем дураком, который считает, что топор умеет плавать.

Плесните-ка мне скорее вина, а том мои нервы снова не выдерживают. С молодости терпеть не могу луинов. Когда-то в одном из кабаков Порт-Ройяла я встретил некоего шкипера, который рассказывал такие откровенные небылицы, что я просто расхохотался. Но когда я огляделся, то понял, что остальные не разделяют моих взглядов, и даже смотрят с обидой, за высмеивание такого опытного моряка. А когда я заметил, что море в том городе, о котором шла речь, находится не с востока, а с запада, на меня просто зашикали. Мол, что ты умнее всех, прервал интересный рассказ из-за такого пустяка. Естественно никто не подумал, что если опытный шкипер ошибается в этом, то может быть и весь его рассказ сплошная ложь. Впрочем, так оно и было. Зачастую людям неважно, правда, это или нет, главное, чтобы было красиво.

Что же касается настоящего букана, именно того, который в середине прошлого века делали буканьеры на Сан-Доминго, то на его изготовление шло только самое лучшее мясо - вырезка. Это были длинные узкие полоски, которые клались над тлеющими углями на зеленые палки, положенные в виде решетки. Они были сырыми, поэтому не горели, и выделяя сок не давали мясу подгореть. Хотя костер не горел, а лишь дымился. Туда все время подбрасывались кожа и кости, которые создавали клубы плотного дыма. А иногда мы устраивали что-то в виде небольшой коптильной коробки. Этот метод копчения был пригоден только для самой вкусной и нежной части коровьего мяса. Зато после такой обработки оно могло храниться в течении нескольких недель. Между тем секрет изготовления настоящего букана исчез вместе с буканьерами.

Чтобы сделать настоящий букан в первую очередь нужно убить корову или быка, а еще лучше теленка. Наилучший букан холодного копчения получается из так называемого филея. Это такие тонкие полоски мяса у коровы по направлению к голове от ее огузка. Там можно нарезать полоски дивного нежного мяса, которого легко коптить. Можно также взять и так называемый тонкий край, он находится между тонким и толстым филеем. Вот собственно и все. Хотя англичане, эти рачитые хозяева, которые умеют жить впроголодь не только у себя на родине, но и у себя в Сомане на Сан-Доминго, употребляют для букана еще и огузок и даже завиток, несмотря на то, что наши французские кулинары давно доказали, что это делать не стоит. Но что им, этим еретикам, которые даже Римского папу ставят ниже своего короля в вопросах веры. Этим недоумкам удавалось делать букан еще и из костреца, который между нами только и предназначен, что для солонины. Но что возьмешь с убогих...

Между тем я успел узнать и голландский рецепт букана от местных буканьеров, охотившихся около мыса Святого Николая. Так вот они не брезговали брать у коровы и середину бедра, и грудину. Единственно, что всегда точно доставалось собакам, так это рулька, подбедерник, оковалок и бочек - самое плохие места, которые было не жалко выбросить даже таким рачитым хозяевам, как голландцы.

Словом, я все это рассказываю к тому, что хороший букан можно было сделать только из отдельных частей убитой дикой коровы, но не из любого места. Поэтому мы и охотились с собаками, чтобы забить как можно больше скотины. Конечно, мы не бросали остальное мясо на съедение диким собакам, а ели его сами, в то время как лучшие части коптили, а потом продавали. Это была своеобразная местная колбаса - длинные полоски лучших мест коровы, подкопченные, иногда даже подсолненные (когда у нас была соль). Но вы сами понимаете, что настоящий букан готовился совершенно без соли, поэтому, чтобы придать мясу вкус, приходилось идти на всякие хитрости. Например, кидать в огонь специальные травы, корешки, и наконец кости, кожу и жир, благодаря которым поднимался особо густой дым, придававший мясу незабываемый вкус и способность храниться несколько недель. Поэтому у каждого буканьера был свой рецепт, которым он ни с кем не делился, кроме компаньона.

Не думаю, что во Франции было меньше коров, чем на Сан-Доминго. Просто наверное их там не забивали почем зря. Мы же могли себе позволить убить в день до пятидесяти диких животных, снять с них шкуры, разделать, нарезать мясо, и подкоптить. У нас ничего не пропадало. К тому же шкуры мы особо не выделявали, поэтому они были очень дешевым товаром, и их было много. Поэтому корабли приходившие из Франции могли полностью загрузиться шкурами, а в добавок получить для команды отличного букана, который уж несомненно был лучше той солонины, которой давилась команда пересекая Атлантику. Ну а привезя в Европу целый корабль дешевых и качественных шкур, их можно было быстро реализовать, да и наварить прилично на этом. Цехам кожевенного производства тоже было выгодно покупать недорогое сырье, из-за чего снижалась себестоимость их товара, но возрастала прибыль. Словом, что выгодно, то выгодно, и ничего тут поделаться нельзя.

Слуги буканьеров рассказали мне, что место расположения лагеря выбрано очень удачно. Так как здесь не нужно опасаться испанцев. Обычно они любят высадиться с кораблей где-нибудь на севере. А тут до моря почти день пути и кроме нас тут никого нет. Испанцы боятся нападать в открытом поле. Они обычно либо стараются выследить нас поодиночке, либо захватить врасплох ночью. Но с нашими собаками нам нечего бояться. Но мы все равно молим бога, чтобы не встретить в лесу испанцев, и это не из трусости, а из нашего миролюбия. Мы никому не мешаем и пусть нам никто не мешает, ну а если помешает, то пусть пеняет на себя.

Через несколько дней мы решили поохотиться на диких свиней, ведь их мясо также очень вкусное, особенно если это самка, потому, что их мясо значительно жирней и нежней. Его можно не менее хорошо коптить и выгодно продавать плантаторам и поселенцам, чем говядину. Букан Лебланка поддерживал тесную связь с одним плантатором, которому поставлял мясо круглый год. Его мы меняли на табак, порох, свинец или собак, которых потом учили охоте, и также продавали. Добыча свиней менее интересна, но тоже бывает опасна, особенно когда встретишь кабана одиночку. Бывают такие самцы, которые предпочитают жить отдельно от стада. И если наткнуться неожиданно на лежище такого клыкастого борова в густой траве, то он может представлять довольно большую опасность не только для собак, но и для людей.

Нужно сказать, что не все во время охоты покидали букан, обычно оставляли одного или пару слуг присматривать за хозяйством, но как я уже говорил, меня всегда брали с собой. Я обычно нес ружья, другие же слуги гнали собак, вели под уздцы мулов. И вот наша свора наталкивается на такого кабана одиночку. Слышен визг, поскольку первому же псу боров распорол живот своими клыками, затем страшный лай, выстрелы, и вдруг я вижу, что это огромное чудовище, отчаянно раскидавшее наших собак мчится на меня. Все что я успел, это лишь со страху отпрыгнуть в сторону, и что есть мочи ударить дикое животное прикладом ружья. Наверное, я попал ему по голове, поскольку несущийся кабан зацепил своим рылом землю и перевернулся. Он попытался встать, но удар наверное совсем оглушил его, потому что тут же завалился на бок, и наши собаки вцепились в него со всех сторон. Этот небольшой эпизод сделал меня в глазах бывалых буканьеров бесстрашным парнем, который не пасует в трудной ситуации, и может постоять за себя. Таких любят и будут любить всегда.

Охота закончилась около полудня, и мы вернулись, настроив несколько десятков свиней, прямо на месте вдоволь нарезав вырезки, а нескольких хрюшек взяли целиком. В лагере с них содрали шкуры, мясо поставили варить в большом котле. Что же касается вырезки, то ее посыпали мелкой солью, выдержали пару часов, а потом подвесили в специальной хижине-коптильне, где готовили до тех пор, пока оно не приобрело отменный вкус. За фунт такого свиного букана в поселке можно выменять два фунта табака.

...